

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

О.А. Канышева

Я И ДРУГОЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА

О.А. Kanysheva

I AND ANOTHER IN MODERN PHILOSOPHY: DIALOGUE PROBLEM

Статья раскрывает проблему Я и Другого, которая заключается в проблеме понимания как себя, так и Другого. Условием взаимопонимания является выстраивание диалога, как возможного условия снятия отчуждения Я по отношению не только к Другому, но и к себе, где Другой оказывается условием моего существования.

Ключевые слова: монолог, отчуждение, диалог, Я, Другой, язык, семиотика, смысл.

Article opens a problem I and Another which consists in a problem of understanding both, I and Another. Condition of mutual understanding is dialogue forming, as possible condition of removal of alienation I on the attitude not only towards Another, but also towards where Another appears a condition of my existence.

Keywords: monologue, alienation, dialogue, I, Another, language, semiotics, sense.

Не играй с глубинами другого.

Л. Витгенштейн

Я и Другой в современной философии является открытой темой, т.к. этот Другой это Я. Возможно, это проблема отчуждения Я от самого себя, неузнавание себя, которое грозит либо свыканием с тем кем Я себя разочарованно видит, либо борьбой с собой в конструктивной и деструктивной формах. Я решит себя изменить под тот образ, который ему дорог, либо Я уничтожит себя.

Проблема диалога становится актуальной: мы видим, как гибнут люди из-за его отсутствия, из-за невозможности начать его, а начав, продолжить. Его структура очень сложна и предполагает искусство бытийствования. Если Другой не становится причиной моего желания Я не в состоянии его начать.

Диалог есть имманентная форма существования мышления, движения культуры, противоположность монолога. Он всегда выступает как осмысление предмета мышления в процессе соотнесения с полюсами дуальной оппозиции.

Этот процесс совпадает с поиском меры между ними, фокуса преодоления полюсов оппозиции, нахождения меры нового смысла между ними. Диалог есть всегда внутренний процесс самоизменения, переосмысления.

Диалог есть бытие Я и Другого, условие их существования. Он есть зеркало, в которое одновременно смотрятся Я и Другой. Есть граница диалога, где Я и Другой меняются местами. На какое-то время Я есть этот Другой, а Другой есть это Я. В это пограничное время Я – Другой есть некоторое целое. Целостность составляет причину катарсиса, или тотальной удовлетворенности, или, как это ни парадоксально звучит, самодостаточности. Итак, Другой есть это условие.

Игра в диалог есть оккультное желание им управлять при помощи желания быть главным. Автономность Я есть заблуждение моей тотальной вездесущности. Я пророчествует, но это лишь один из векторов настроения и индивидуального опыта, которые, перемешиваясь, создают прогноз будущего. Это чем-то напоминает предсказание погоды, которое иногда сбывается, а иногда нет.

Диалогичность переживания предполагает его интенциональную природу, это всегда переживание о Другом. Я обретает способность к переживанию благодаря Другому. Выход за пределы своей субъективности предполагает переход к жизни Другого. Другой это Ты, это вещь, это бесконечность, это бессознательное, лики Я и т.д.

Я выстраивает диалог с Другим, как некоторое отношение. Это отношение может быть выстроено на сочувствии к Другому, или симпатии. Проблема «вхождения» в Другого рассматривается в разных философских традициях.

Предчувствие современного диалогического философствования пронизывает теории многих антигегельянцев прошлого столетия, в том числе Л. Фейербаха, который стремился создать материалистический антропологизм как теорию общения “я” и “ты”, С. Кьеркегора, восстанавливавшего в своих правах теологический диалогизм, и Ф. Ницше, разыгравшего в своих произведениях подлинно диалогическую систему познания.

Человеческое бытие в концепции Ясперса, как и у Хайдеггера, есть всегда “бытие с” (другими). Вне коммуникации нет и не может быть свободы. Экзистенция не может быть определена, но может “сообщаться с другой экзистенцией”, и этого достаточно, чтобы она существовала как реальность, а не как субъективная иллюзия. Диалог, межсубъектная коммуникация, предполагает любовь как ответственность Я перед Ты.

В целом же концепции диалога, созданные в 20-е годы нашего века, сегодня переосмысливаются и сближаются с социологией и лингвистикой. Такое сближение характерно для концепций диалога, созданных Ю. Хабермасом и К.-О. Апелем.

Ю. Хабермас создал “теорию коммуникативного поведения”, описывающую “двухуровневое” строение современного общества (“система” и “жизненный мир”). Опираясь на концепцию социального действия М. Вебера и анализ

речевых актов, осуществленный Дж. Л. Остином, Ю. Хабермас выделяет два типа поведения: коммуникативное, приводящее к возникновению социальных структур, способных к развертыванию и самоосуществлению, и стратегическое, преследующее утилитарный интерес и ведущее к обману партнера.

К.-О. Апель, стремясь соединить трансцендентализм с герменевтикой, перестроил трансцендентальную философию, обосновав ее заново понятием коммуникации. Введя понятия идеального и реального коммуникативных обществ, он предложил переосмыслить такие гносеологические термины, как “очевидность”, “истина” и т.п., на основе расхождений между идеальным типом сообщества и реально существующими в истории сообщества социальными группами.

Отчуждение, избавлением от которого обещает стать диалогизм, оказывается условием завязывания диалога, условием его существования и, в этом смысле, может быть устранено только вместе с ним.

На мой взгляд, в русской философии интересна и актуальна концепция взаимоотношения Я и Другого у М.М. Бахтина, которая связана с анализом других философских школ, существовавших в истории философской мысли. Если в целом охватить ситуацию, то можно увидеть что рационалистические школы по причине гносеологической установки занимают позицию монологическую, на что М.М. Бахтин предлагает диалогический подход. Этот подход лежит в сфере эстетического восприятия Другого.

Монологический подход представляет Я и Другого в единстве переживания. Тем самым теряется объективная оценка Я и Другого. Я и Другой сливаются в процессе познания и трудно не поменять местами Я и Другого. Авторитарность позиции превращает Другого в вещь, в объект.

Диалогическая позиция сохраняет Я и Другого в ценностном положении по отношению друг к другу и связаны с такими качествами как симпатия, сочувствие, сопереживание. Но все же М.М. Бахтин ставит выше этих форм переживаний чувство любви как особый метод познания Другого. Любовь – это «сквозное» проникновение в Другого, который продолжает оставаться субъектом и в процессе познания. «Изнутри самой сопереживаемой жизни нет подхода к эстетической ценности внешнего в ней самой (тела), только любовь как активный подход к другому человеку сочетает извне пережитую внутреннюю жизнь (предметную жизненную направленность самого субъекта) с извне пережитую ценностью тела в единого и единственного человека как эстетическое явление, сочетает направленность с направлением, кругозор с окружением» [Бахтин М.М., с. 107].

По мнению М.М. Бахтина, сам способ взаимодействия сознаний есть диалог. Любое соприкосновение с миром культуры становится “спрашиванием и беседой”, Диалогическое понимание возникает там, где встречаются два сознания. Понимание вообще возможно при условии существования другого, понимающего, сознания. В принципе любой философский или литературный текст можно считать диалогическим (а не только, скажем, диалоги Платона, Цицерона, Петрарки).

Диалог раскрывается через текст, понимаемый вполне семиотически, однако М.М. Бахтин полагает, что диалог первичен по отношению к тексту, поскольку текст выступает как продукт общения, а диалог оказывается механизмом текстопроизводства. М.М. Бахтин стремится показать возникновение текста из реплик диалога.

В силу политических причин М.М.Бахтин обходит молчанием вопрос о субъективности, в слиянии с которой только и возможен диалог двух эмпирических объектов. Однако именно это обстоятельство делает его концепцию открытой к семиотическим истолкованиям, что вдохновляло Ю. Кристеву, создавшую концепцию интертекстуальности вследствие изучения работ М.М. Бахтина, и советских семиотиков.

Другой есть предмет семиотического исследования. Я и Другой не совпадаем, поэтому появляется проблема истолкования Я и Другого через систему знаков. Я не совпадает с Оно, с сверх – Я, с самим собой. По отношению к Друговости выстраивается особенная чувственность, которая в истории философии приобрела символы Эроса, Агапе, Сторге, Филиа. Эрос символ Оно, Агапе символ сверх – Я, Сторге символ Я, а Филиа символ диалога Я и Другого (Оно, сверх – Я, Я).

Язык есть условие существования знаков и символов. «Язык – дом бытия», как говорит М. Хайдеггер. Я прикасаясь к Другому, становится мифологичным, религиозным, научным, философским. Миф интенционален, религия интерсубъективна, наука инструментальна. Я – тело соблюдает принцип меры, Я – душа соблюдает принцип подчинения низшего высшему, Я – дух соблюдает принцип единства. Мера есть схваченный смысл, подчинение есть обретенный дух, единство есть самотождественность как условие всякого познания.

Литература

Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336с.